

Дорогие товарищи!

Сегодня ознакомившись со
гозом с показанием ~~Зин~~
компр-революционер тов Зинovieва, Кашенева и
Рейгольда в которых упомина-
ется мое имя, как человека
чуть ли не соучинявшего их
подлогу Залову, я считаю
своим долгом дать совершенно
честный отчет о моем поведении
за время истекшее со времени
~~отказа~~ ^{отказа} правой оппозиции.

В ^{буднейшая} ~~крае~~ ^{крае} нашей правой
оппозиции я убедился перед
печальным ~~фактом~~ ^{фактом} ~~нашей~~ ^{нашей} ~~правой~~ ^{правой}
и в высшей степени о признаках
своих ошибках. Этому предшествова-
ла попытка подготовиться

развернутому платероному
для виснувшего на плечу.
Но проработав и редактуру
и написавшую т. Бухарину
платероному, я убедился, что
исправить ее невозможно, замышлять
ее невозможно, ибо она действительно
тащит партию назад, что она
пахнет кушаном и по существу
не дает никакой политической
программы действия. Я это понял
и честно признал свое ирреальное
бюрократство. Но мощное самонабие
— это бы не подумали, что все-таки
спуска ввода из ЦК. — застав-
ляло меня настаивать (перед
Бух. и Рыковым) отложить похвалу
заявления до окончания пленума.
Значит ли, что с этого момента
мой оппозиционный настроенный
испарился как дым? Конечно нет —
сказать иначе, значит солгать.

Значит ли, что признав
свои ошибки, я сразу признаю
не только в общем, но и до част-
носшей генеральную линию пар-
тии, ~~и~~ метод ее проведения и
партийного руководства? Конечно
нет, таких шомошеских мета-
морфоз не бывает. Равным образом,
разоблачение партией правого укло-
на, ее разъяснительная работа
по вскрытию его социальной
сущности, неотделимая от дискре-
дитации ее идеологов, воскресси-
лась мною, через личную при-
зму, т. е. как жеманье дискредити-
ровать и унизить лиц и в том
числе лично меня. Я не мог с души
пришривая и с своей самораз-
стараясь все сделать так, что бы
я как человек, как бывший и
революционер, что бы мое доброе
имя и репутация были лишены.

но сколмирометирован. Это под-
держивало и создавало раздраже-
ние, недовольство, чувство цини-
зованности.

Признание ^{своих} ошибок, на почве
явного банкротства, не разрушило
наш блок — меня, Таухарина и Рыкова.
Наоборот ~~отради~~ лишь втроем
и часто всерьез, мы разобра-
ли друг в друге чувство разоча-
рования и недовольства, что то же
чувство которое пережили, я наб-
людаясь у Рыкова и Таухарина.
У нас уже не было общих идей — что
предпочтительнее ввязки т. Таухари-
на ~~бы~~ только много не разделив
но и порицались — мы продолжали
согласовывать наши выступления,
советовались о них, помалая друг
другу. «сохранив лицо» перед партия-
ей. Ирана мы здесь рои надежда

вернутся к руководству? Верие
тлеясь, в боковой смене здесь
играет роль защитная реакция
— то есть желание не быть дискри-
минованными и преувеличенно
подозрительностью, в том, что
все идет к тому, что бы вывести
не только из ЦК, но и из пер-
тин. Таких ли попытки, воево
возражений разбитую правую ойно-
защитно или, приключить к другой
оппозиции? Этого не было. Поку-

шенный урок был достигнут.
Однако, я знаю, что группа уже не
была Тухарина, что то кончилась,
что Сеников был не примирен.
В этот период, до Рютинско-Сен-
ковской контр-революционной
группировки, мое отношение к
партийным анти-партийным груп-
пировкам было, объективно нейтраль-
ным.

Я не мог отрицаться от
чувства, что если тебе что-
либо говорит достоверно, то
поводить человека не красиво.
Фактически же, объективно, это
была нейтральность по отноше-
нию к антипартийным, контр-
революционным группировкам.

В деле Смирнова я не стал
и ничего не знал об этой группир-
ровке, но я не понимал того, что су-
щая буквенные разговорчики Сми-
рова, и было возражать на них —
я не разделял уже в то время
его взглядов — я давал ему повод
считать себя как сочувствующего
ему, как естественного. Я рас-
суждал по установкам ЦК в
отношении Смирнова слишком
сурово, а в отношении себя непра-
вильно.

Этим обременены и мои не
достаточно четкие впечатления
на пленуме ЦК?

После дела Смирнова, потребо-
валось не один месяц для того,
что бы понять, что прав был
ЦК, что подобные близкие связи
ведут к образованию из них, или
около них новых коммунистическо-
группировок.

Из лечения 32-33 года стали
снабжать и наши швейные машины-
мод с Гужарским и Рыковым, а
мой выезд из Кремля и окончатель-
но переезд был связи. Интересен
дела целиком поглотили меня,
а с головой ушел в работу по
Ошзу и все осязки ~~переходя~~ которых
еще ~~была~~ оставались от переезда
оппозиции растворились, ибо только
в работе видно: все наши планет-
ные завоевания и шлоухость

мичного саомобидя.

В свете этого, я перехожу к
показаниям врагов народа Зиновь-
ва и Кашенева.

Я не стану В/ напоминать мич-
мичне ошмешенный к Зиновьеву,
Кашеневу и Троцкому в период их
пребывания у власти. Короче го-
воря с ними у меня никого не
было ни друзей, ни предшествен-
ников. Не стану излагать, В/
это знаете, как я ошверт предложе-
ние Зиновьева о блоке против Ста-
лина (перед XIV Съездом) и его попытку
подкупить меня — без принципов
Гриков Я никогда не создавал и
никогда в них не участвовал.

Правильно в показаниях Кашенева,
что в 1928 г. в разгар борьбы правых
оппозиции против ЦК Я и Бухарин,
без верою Рыкова вырешись с Каше-
ным,

с целью позондировать о их настроении, ~~там~~ ^{взгляд} и возможен ли блок. Однако мы разошлись взаимно неудовлетворенными — Кашев доверчиво промолвил и тактике, считая ее не решительной и трусливой, однако своей психикой нам не изложил. ~~Един~~ Равным образом немудрено было у них организация, или нет. Он лишь дал понять, что у троцкистов есть организация, а что если нам нужно, то он попытается через троцкистов их отбуксовывать. Я не помню точно дату этого свидания (происходило на даче у В. Шиндта), зная после подачи ^{заданных} много, Гухариничи и Рыковом отставке. В. Шиндт, насколько мне помнится, ни кивок и в разговоре угасший не принимал.

9

Мы сообщили об этом Рыкову,
он назвал это грубой ошибкой и на
этом моя политическая связь
с Каменевым и ХЗ окончилась.

Встретился я с Каменевым вхо-
дя этого в 1932 г. ~~при~~ в Ошзе, ко-
гда он был назначен зав. изд-ва
Академич. изд-ва при Ошзе.

Каменев был у меня несколько
раз, до своей смерти по делу Рютина.
Все его посещения были связаны с
демовскими вопросами его изд-ва.
Он интересовался на свое положение,
осведомлялся о моей жизни и настро-
ении, я ему говорил, что меня болят,
выражая недовольство тем, что это
мне мешает. Я не берушь много,
даже приблизительно, перерабатываю
много, но сил у него нет, вернее ре-
шительная и заучал, что дескать
невероятно что творится и партия
не видит трудностей. Я понимал

что Кашев шеня "обмохивает"
и разговор на эту тему я не
поддерживал. Однако, я не ~~решаю~~
могу отрицать, что возможно,
я дал в это время (1932г.) какой-
либо поворот к тому, что он мог
заключить о моем не полном
согласии с коммунистической партией.
Я уже говорил, что в это время,
я не полностью изжил остатки
оппозиционного настроен^{ия}
Теперь разговор о положении ^{и настроении} меня,
Рыкова и Тухачева, возможно,
что я сказал, что у них такие же
настроения, как и у меня. Говори-
ли о том, что наше прошлое, поста-
вило нас в очень трудное ^{и широкое}
мое положение. Он пригласил меня
к себе на дачу, предлагал выехать,
~~но я это~~ чтобы хоть "душу отвести"
поговорить в дружеской обстановке,
но я это decisamente отклонил.
Кашев просил меня дать для

Безумие, что никакой оппозиции
в партии и нет успеха не будет.
Он согласился со мной и сказал,
что лишь интересная документация
и хотел бы ~~с~~ с мной ознакомиться,
Поэтому лишь одно его выражение:
"теперь нашему брату надо сидеть
тихо, носа не показывать".

Еще одно достойное внимание
встреча с Каменивым у меня
произошла в 34 году. Меня, его и Нико-
лешку пригласил к себе товарищ
по делу Гикла. Речь шла о назначении
редактора в ЦКХЛ. Они оба угрожа-
ли Каменива взять к себе
эту работу. Он отказался. После
этого Алексей Максимович, средно-
мил мне и Камениву, "откровенно"
поговорил с т. Сталинским, молни-
вирно это тем, что надо внести
все неразрешенное, ибо у нас мало
способных людей. (Каменив, что присутство-
вал Крюков и Никорядов) Я решительно
отклонил это предложение, дав

что у меня нет с Ашменом ни-
каких общих политических вопросов
и, что вообще, я не вижу тем для
разговора. Ашмен так же выхо-
дил это предположение. По просьбе
Ашмена (или Накорядова - не помню)
я захватил к Горькому на маши-
не ~~не~~ Ашмена. После этого, я
вышел его на XVII партсезде после
их речи. Он спросил меня не очень
ли я сериюсь, что они изрута-
ют так резко правую оппозицию. Я
ответил, что их положение
такое — в искренности последнего рас-
сказа Ашмена я не верю. В
первый же его разговор, до дела Рюта-
на, я считал, что Ашмен выработ-
ся, ибо мне казалось, что он интере-
суется делом и хочет активно рабо-
тать. ~~Враг~~ ~~на~~ ~~издаваемого~~

С Зимовьевни я первый раз
встретился в Наркомпросе в
1932. Заседание комиссии заво-
дано, он встретил меня в корри-
доре, как старого приятеля, очень
отзывчиво и поспешил к себе в
кабинет. Он очень горячо разгово-
рился на трудность своего положе-
ния, говорил, что работа в
НКПР. не по его вкусу, что он
хотел бы включиться в большую
пошнюю работу, что мог много
сделать пошью, особенно в такое
тяжелое время, что он чувствует
себя одиноким и горько убеждал
время установить дружескую связь
— бываю у них на даче (комиссия
была рядом с домом ^{на даче} Ошера)
и мы пришли к ^{на даче} соглашению
по приятельски. Я это решительно
отклонил, сказав, что подобные связи
могут быть плохо истолкованы.

Он доказывал в конишеском
тоне, что почину дескать меня
партии не могут воспрепятствовать
в домашней обстановке, но я при-
лагание и предпочтение решительно
отклонил. Ничего политически опре-
деленного он не говорит. Ни слова
о его блоке с троцкистами сказа-
но было — Зиновьев лжет на
100%.

Вторая встреча была перед
отъездом Зиновьева во вторую
ссылку. Он изобразил всем своим
видом, поведением и свидетельскими
рассказами о том, что он страдает
бешено. Я был очень недоволен этим
внушаемым свидетельством (Суд. Колл.
ЦК дал указание, чтобы им дали
работу в ссылке). Речь шла о работе
он просил, что бы ~~еще~~ с ним были
восстановлены старые договоры.
~~О~~ Об этом свидании я ~~еще~~ изво-
нил в письме в ЦК. После рассмотре-

наго показаний Зиновьева.

Ничего поминического ^{во время} этой второй встречи в разговоре не было.

Ни какого повода о соувещании с моей стороны, к их поминическому поинению, — я не давал. Кроме этих двух встреч, были еще по поводу приобретения собаки. И при этой встрече я не припомню ничего такого, что бы давало повод к задвинутому Зиновьеву на суде. Я с первой встречей держал с ними очень настороженно, ибо мое отношение к нему всегда было как к человеку в поминке неистощимому и напому.

Главное никогда я с Зиновьевым не встречался, кроме этих встреч и поинений на заседаниях КМЛ. Никогда не Зиновьев ни Каменев мне о существовании троцкистского Зиновьевского Бюро не

сообщаю. Они нюхали, "прощупывали" меня и "повирились" разговариваясь.

Да, я совершил тяжёлое преступление перед партией ставши во главе правых оппозиции и практической слав рупором кулацких настроений и интересов не только в партии, но и в стране.

Да, я виноват в том, что в процессе этой борьбы, я резко, грубо, жестоко злобно нападал на руководителей партии и на т. Сталина, которого я знал много лет как честного, смелого бойца-большевика, как самого крепкого и сильного — подлинно битью осязательно сильного и смелого нападку.

Да, я виноват в том, что слишком сильно во мне было самовлюбие, (но не честолюбие!) что ~~не~~ искренне признав свои ошибки, я слишком болезненно прекращал их последствия,

(Мне М. П. Томского не вдалось)

Сегодня ознакомившись по газете с показанными контр-революционерам террористам Зинавсва, Каменева и Рейнгольда в которых упоминается мое имя, как человека к которому не советувавшего их подному Зинавсу, я считаю своим долгом дать совершенно резкий ответ о моем поведении за время прошедшее со времени правых оппозиции.

В изданном крае нашей правых оппозиции я убедился перед пленумом ЦК, после которого мы всели заявление о признании своих ошибок. Этому предшествовала попытка подготовить развернутого материала для выступления на пленуме. Но проработав и редактируя эту написанную м. Бухариным материалу, я убедился, что исправить ее нельзя, защищать ее нельзя

ибо она действительна такова
партию назад, что она пахнет душком
и по существу не дает никакого
полюсского программы действия.
Я это понял и ясно признаю свое
идеальное банкротство. Но хочется
самостоятельное - чтобы не подумали,
что дескать сдружили вывода из ВК -
заеживаю меня наеживаю (через
Бухаринских и Рыкалинских) отпущить
подару заветному до ахоткам пшеница
Значит ли, что с того момента мои
отношения к партии и партии
как были? Конечно нет - сказать
иначе, значит сожалеать.

Значит ли, что признаю свои
ошибки, я сразу признаю не только
в общем, но и до частного генераль-
ного штиль партии, метод ее
приведения и партийного руководства?
Конечно нет, таких сплошных
смертнотворных не бывает. Равным
образом, разоблачение партии правого
уклона, ее раздвинувшая работа
по вскрытию его социальный сущности,

неотделимая от дискредитации ее
идеологов, воспринимавшее много,
через сложную призму т.е. как явление
дискредитирующее и унизить ему и в том
числе смыслу смысла. Я не мог с ним
примириться и с своей стороны стараясь
все сделать так, что бы Я как человек,
как большевик и революционер, что бы
свое доброе имя и репутация были
минимально скомпрометированы. Это
поддерживало и создавало раздражение,
недовольство, гнев изощрявшегося

Признание своих ошибок, на
почве явного банкротства, не разрушило
наш блок - смысла, Бухарина и Рыкова.
Находясь смысла смысла и смысла смысла
мы разогревали друг в друге гнев
раздражение и недовольство, ибо то же
гнев которое переживал, я наблюдал
у Рыкова и Бухарина.

У нас уже не было общих идей -
ибо идеологические разногласия т. Бухарина
только много не разделялись но и
поругались - мы продолжали

Согласовывать наши выступления,
советоваться о них, помогая друг другу.
„Сократить много“ через партию.

Играли мы здесь роль надежда
вернуть к руководству? Верие тшмее,
в бошьней степеней здесь играли роль
защитная реакция — то есть стремление
не быть дискредитированным и преуве-
личенной подозрительностью, в том, что все
идет к тому, что бы вывести не только
из ВК, но и из партии. Были ли
попытка, вновь возродить разбитую
правую оппозицию или прилкнуть
к другой оппозиции? Этого не было.

Полученный урок был добыт.
однако, я знал, что группа уличил
Бухарина, чего то капоушное, что
Сейкал был не прищип.

В этот период, до Рюмина-Сей-
Кавелас контр-революционная
группировка, свое отношение к
анти-партийным группировкам
было, объективно нейтральным.

Я не мог сгладить ах чувств,
что если тебе, что-либо говорят
доверительно, то позвонить человеку
не красиво. Фактически же, объективно,
была нейтральность по отношению
к антипартийным, контр-революционным
группировкам.

В деле Смирнова я не лгал,
я ничего не знал об этой группировке
но я не понял того, что слушаю
безконечные разговоры Смирнова
и было возражать на них - я не
разделял уже в то время его взгляды.
- Я давал ему повод считать себя
как сочувствующего ему, как едино-
мышленника. Я рассматривал
появление ЦК в отношении
Смирнова смирным суровым, а
в отношении себя неправильным.

Этим обиделся и мои не
достаточно резкие высказывания на
пену ЦК.

После дела Смирнова, потребовал
не один месяц для того, чтобы понять,
что прав был ЦК.

42
149
Что погодное близкие связи ¹⁴⁹ ведут
к образованию из них, или около них
новых контр-революционных группировок.

В течение 32-33 года ежам
составить

43

Разговор с Ник. — о писем издал
троцкист.
о моем времени.
на Ленинград.
конверт.

Зиновьев — были друг друга
и вот добили
до ручки.....

43-08.

- 1) Машина на дачу
- 2) Собака из мимики
- 3) Помощники
- 4) Разговор с ^{капитаном} Пятаком
- 5) Разговор с Зинцовым
- 6) Разговор с Жирондой
- 7) Разговор о пёсках
- 8) Думаем как и, а что....
- 9) Разказ о Глине с трауром
— лопь

Доверие

Руководство,

Искренность

Говорить до конца.

Знал ли я в блоке с троцк. и зин.

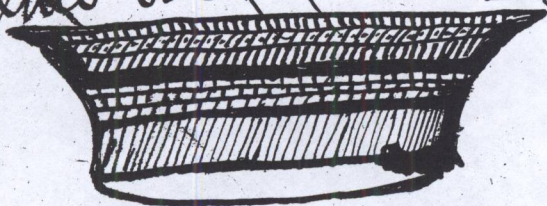
Знал ли я о блоке Становского.

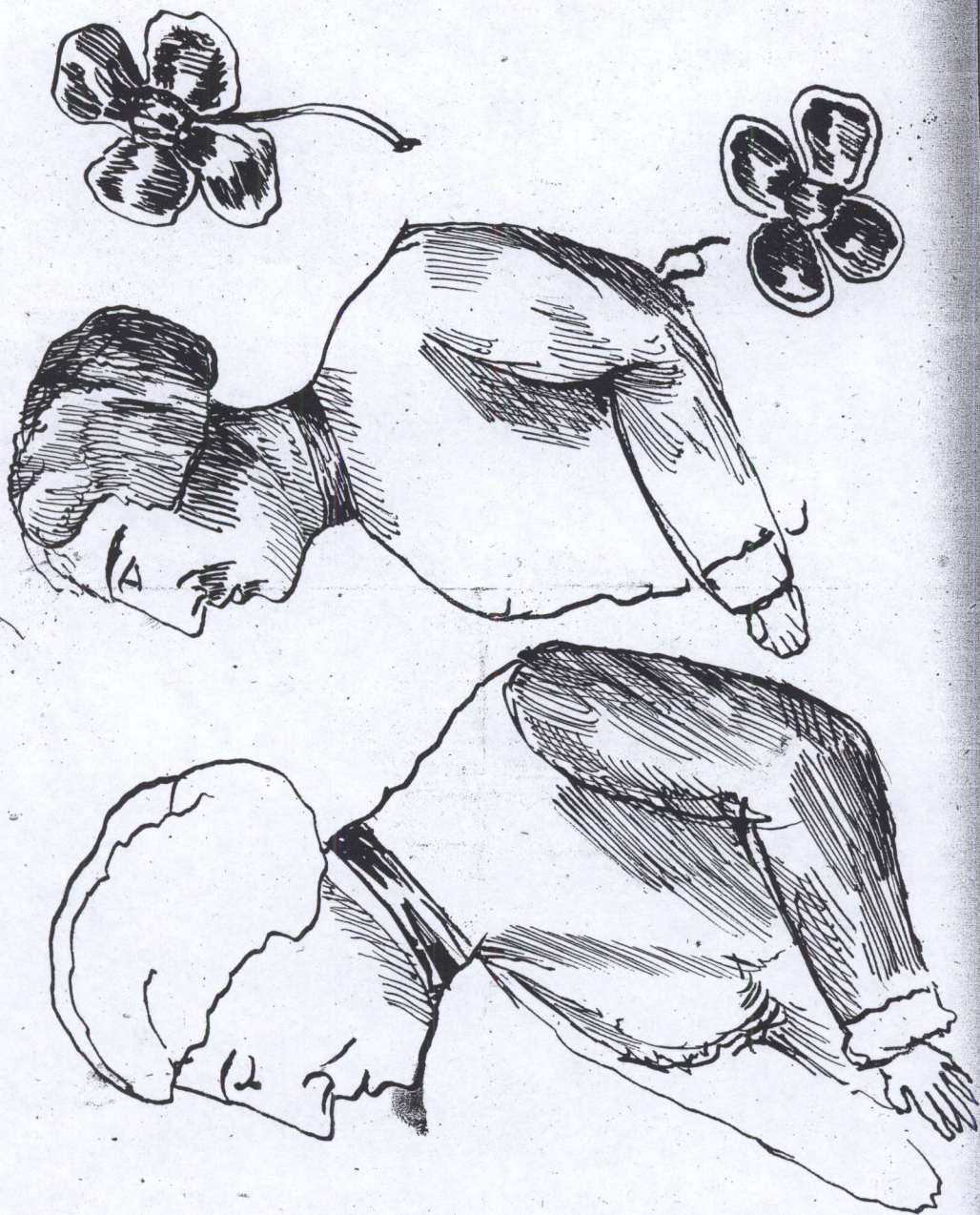
С троцкист. и орогядл.

И Искренне ли я хочу вернуть
свои ~~ошибки~~ до конца?

Скрывал, знал об этой
банке.

Это было после XVI съезда — о — о — о

Кашенин — Тамар в каком
моду.

Ветрени — и разговор.

Мая Звонница —

Утром ввпр.

Дорогой тов. Сталин!

Ознакомившись с закрытыми письмами ЦК о террористической деятельности Траугота - Зиновьева и № 8 считала своим долгом считать невозможным прийти к такому умиротворению моему мнению, в каком бы то ни было отношении с этой контр-революционной, фашистской организацией. Я считаю, что сам факт умиротворения моего мнения как своего возмущенного союзника не случаен, он вытекает из моей величайшей ошибки, борьбы против ЦК = ~~принципиально~~ и его правополитическим, резким и грубым нападом на руководство и тех же как опровержение самой мысли и партийной воли. Политика имеет свою очень суровую логику и ясно, что все враги партии, все те же враги, но своему расцениванию результатов своей борьбы и своих в посылках возникших ^{само} союзников.

[illegible]

Мое мамин ~~на~~ отношение к тебе
прекрасно известно. Прости мне
то, что пишу в несовсем необычном
стиле, что я обращаюсь к тебе не
только как к руководителю партии
но и как к старому товарищу.

товарищу, и вот моя последняя ⁴⁹
просьба — не верь никому вместе ¹⁷⁴ ~~В~~
новведа, никогда не в каше бочки и
с ними не вкара, никаких зловолов
против партии я не делаю, я глубоко
презираю эту подлую банду!
Я начал это письмо, когда получил
закрываю письмо ЦК. ВКМ, но ошибаясь
чувствуя, что мне не доверяют, сохоту
за дипломатический ход...

Теперь, я хочу это письмо прочи-
тав пометание суда о приваждении
меня к судейству и после вчерашнего
заседания парторганизации Ошва.
Я чувствую, что много я не переживу,
я слишком устал от ~~этих~~ подобных
встрясок, я не могу перенести когда
меня ставят на одну доску с франк-
стами; я признаю, что у меня великие
проблемы перед партией — о как
капсаю в письмо (неокончено — в Ошве)
я говорю об этом на партсобрании.
Мне не верят. Перетнуть я много не
могу. Окончивая душить просьбам —
1) не верь клевете и боитовке перепуган-
ных людей; 2) не забудьте о моей семье.
Третье прощение у партии за шары
набки, прошу не верить Зинковскому и Аш.

Так стало быть нужно. Я уйду. 50
Меню партии и всем вам новых
вещных побед!

173

22 —
VIII 1936
Гришине

М. Мусса

Р. А. Вспомни наш разговор в 1928.
мгн. Не принимай в расчет того, что
я тогда сбивался — я тогда в этом
раскаивался всегда. Но переубедить
тебя не мог, ибо ведь ты бы мне не
поверил. Если ты захочешь знать, кто
те тогда считал моим шлем на
пути правой оппозиции в мае 1928 г.
— спроси того кому нужно, только тогда
она их назовёт.

М. Мусса